

новинка от автора бестселлера
"Неизвестный псевдоним Бога"

ВОЛШЕБНОЕ СВЕЧЕНИЕ ЛАДОГИ

НИКОГДА НЕ ТРЕВОЖЬТЕ СКЕЛЕТЫ,
МИРНО СПЯЩИЕ В СТАРЫХ ПИСЬМАХ.

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

18+

Юлия Ефимова

Волшебное свечение Ладogi

«Автор»

2020

Ефимова Ю.

Волшебное свечение Ладоги / Ю. Ефимова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99934-3

Актриса советской эпохи Агния Орлова приглашает журналистку федерального канала Беату Иофе для работы с личным архивом и обещает заплатить за эту нетрудную работу довольно приличную сумму. Несмотря на приближающийся Новый год и поездку в далекую Карелию, Беата неосмотрительно соглашается, не подразумевая, что великая актриса готовит представление, в котором даже для журналистки припасена роль. Удастся ли Беате переделать страшный сценарий и угадать всех действующих лиц данной пьесы? Неизвестно. Понятно лишь одно: волшебные воды Ладоги открывают свой свет только победителю.

ISBN 978-5-532-99934-3

© Ефимова Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Ефимова

Волшебное свечение Ладogi

Эта история привиделась мне на берегу волшебной Ладogi. Героев показывала метель, собирая снежинки в интересные портреты, а секреты нашептывали столетние ели. Все, что вы узнаете на страницах этой книги, выдуманно мной и сказочной Карелией. Поэтому все возможные совпадения случайны.

Глава 1

Никогда не разговаривайте с обслуживающим персоналом

Снег, снег, снег, вокруг один ненавистный снег. Девочке из южного города Геленджика он был противен. Никогда раньше, в другой жизни, Беата не поехала бы в эту далекую Карелию, никогда. Но другой жизни больше нет, она осталась там, на теплом берегу Черного моря, под черешней, которую они посадили вместе со Степой. На глаза сразу навернулись слезы, но она запретила себе плакать, давно запретила. Прошло уже три года, как муж, придя домой и буднично поедая за ужином котлеты, сказал ей, что уходит к другой. К своей начальнице, женщине хоть и немолодой, но чертовски привлекательной. Он так и сказал: чертовски привлекательной. Беата, как филолог, тогда никак не могла сложить в своей голове эти два таких противоположных слова, словно это было самое важное, словно это была главная причина его ухода.

– У нас чертовски привлекательно, – сказал веселый шофер, он встретил ее в аэропорту Петрозаводска и уже сотый раз за их недолгую дорогу пытался заговорить, – не находите?

Беату словно ударило током. Она обычно не верила во всякого рода приметы, но зловещее словосочетание словно предупреждало ее о том, что вся эта странная поездка не закончится хорошо.

– Что у вас чертовски, согласна, но второе слово не подходит для ваших заснеженных и грустных просторов, – грубо ответила она водителю.

Во-первых, она ненавидела эти пустые разговоры с парикмахерами, таксистами и продавцами, а во-вторых, Беата и вправду не видела ничего вокруг, хоть мало-мальски подходящего под слово «привлекательно».

– А это вы зря, – ни капельки не обиделся разговорчивый водитель, – Карелия – самое красивое место на земле. Вы разве не знаете?

«Как же его зовут?» – пыталась вспомнить Беата и никак не могла, хотя он точно представился. В аэропорту у него в руках была табличка с надписью: «Беата Иофе», но, видимо, водителю она была совсем не нужна, потому как он узнал ее мгновенно и подлетел, выхватив из рук небольшую сумку.

– Что-то у вас совсем багажа нет, – улыбаясь во весь рот, сказал встречающий. – Меня зовут Саня. Я из «Берлоги».

«Точно, Саня из “Берлоги”», – вспомнила наконец она, продолжая наблюдать заснеженные просторы. Снег был везде: на дороге, на обочинах и даже на огромных лапах столетних елей, которые, как вековые стражи, стояли гордо и внушительно. Снег лежал белым покрывалом, словно защищая землю от зла. А где-то далеко, в теплом Геленджике, на голубой лавочке сидят мама и Тошка. Мама читает ему стихи про Деда Мороза, а пятилетний Тошка решает, что же он попросит у старика себе под елку.

От мыслей о сыне заныло сердце. Это будет первый Новый год, который они будут отмечать не вместе, но Беата не могла поступить иначе. Этих денег, что ей обещали заплатить в «Берлоге» за семь дней работы, хватит, чтобы снять квартиру получше или даже, поднакопив немного, купить собственное жилье. Сейчас же они с Тошкой ютятся вдвоем в маленькой комнатке в коммунальной квартире. Есть, конечно, и плюсы: сии «хоромы» находятся почти в центре Москвы, и они в хорошую погоду прогуливаются вдвоем по историческим улицам. Беата во время этих прогулок рассказывает сыну о писателях, поэтах и других легендарных личностях, чьи монументы встречаются по пути. Тошка запомнил дом, где жил его любимый писатель Чуковский, и теперь, когда они проходят мимо, предлагает ей зайти и поздороваться. Ему сейчас, в пять лет, кажется, что весь мир живой, он пока не знает слово «смерть». Беата старательно ограждает его от этого знания, полностью уверенная, что обязательно найдутся желающие это сделать. Конечно, мама зовет обратно в Геленджик, где у нее огромный дом со всеми удобствами, который когда-то заботливо построил отец. Но Беата не вернется, ведь в этом городе сейчас живет Степан с немолодой, но чертовски привлекательной женой.

– Подскажите, Александр... – Беата вопросительно взглянула на водителя.

Но тот ее перебил:

– Не, я Жека.

– Простите, – смутилась она и мысленно укорила себя за невнимательность. Ведь человек не виноват, что у тебя плохое настроение, что ты отправила сына к маме, что тебе придется работать на Новый год, взяв отпуск за свой счет. К слову, в этом никто не виноват, кроме тебя самой, ведь ты не смогла стать для мужа чертовски привлекательной, хоть и молодой.

– Ничего страшного, – видимо, Жеку было не так просто обидеть, потому что он продолжал улыбаться ей, глядя в зеркало заднего вида.

– Евгений, когда мы приедем в «Берлогу»? – спросила она уже более дружелюбно.

– Не, я Жека, почти прибыли, минут десять осталось.

Надо отдать должное – комфортный внедорожник даже по заснеженной дороге очень бойко отмерял километры, и было не совсем понятно, это заслуга машины или водителя.

– А вы были раньше на Ладогe? – спросил Жека, видимо заметив изменения в своей грустной пассажирке и все-таки не теряя надежду на душевный разговор.

– В Питере, когда была в командировке, – ответила Беата, не отрывая взгляда от снега. Ей хотелось разглядеть в этом пейзаже что-то еще, но там был только снег.

– Не, – привычно сказал Жека, на вид ему было лет сорок, но его детская улыбка и живые глаза делали его похожим на ребенка, – в Питере она не такая. Наша Ладога совсем другая, она волшебная, со своими тайнами, сказками и поверьями. Причем любая сказка может оказаться былью, а любая легенда – подтвердиться. Здесь живут удивительные люди, ведь именно здесь в их жилах течет разная кровь.

– Ну, для России это не новость, – под нос себе сказала Беата, не решаясь спорить с шофером, – в крови у русских намешано дай бог.

Но Жека не услышал ее скептического высказывания и продолжил:

– За эти сказочные земли, полные богатств, бились и шведы, и русские, и финны, причем причина этого не полезные ископаемые, которых, впрочем, здесь предостаточно. Здесь проходит аномальная зона, где прошлое может ненароком встретиться с будущим. Одно свечение в озере чего стоит. Его многие видели, и очевидцы говорят, что меняется после увиденного жизнь кардинально.

– В лучшую сторону? – машинально спросила Беата. Видимо, сыграла привычка журналиста задавать уточняющие вопросы.

– А это у кого как: у хорошего человека в лучшую, у дурного в худшую, – на полном серьезе ответил Жека, – к нам даже ученые приезжали с аквалангами, а причину свечения так

и не нашли. Причем светится оно из глубины, в разное время года, может и зимой через лед, а бывало и летом. Есть такая легенда о капитане Сигварде.

– Вы знаете, я не интересуюсь народным фольклором, – попыталась отбиться от очередной шоферской истории Беата.

– Говорят, на дне озера спрятаны сокровища волхвов. Однажды капитан Сигвард решил любой ценой достать этот клад со дна. Ночью вместе со своей командой он отплыл от берега и бесследно исчез. Позже появилось свечение в водах Ладоги. Легенда гласит, что это капитан вместе со своей командой, лишившись своих душ, теперь по ночам помогают духам волхвов оберегать несметные богатства озера.

– Замечательная сказка, – похвалила рассказчика Беата, – живая, информативная, а главное – короткая.

– Но моя бабуля говорит, что здесь ворота в другое измерение, ворота в ад и в рай.

– А кто у нас бабуля? – Беата пожалела, что заговорила с улыбчивым Женькой, сделав вывод, что она, как всегда, права: нельзя разговаривать с обслуживающим персоналом, даже таким дружелюбным.

– Так шаманка моя бабуля, – ответил Жека просто, словно его бабушка была бухгалтером, – говорят, лучшая во всей Карелии. Хотите, я вас к ней свожу? – и, подмигнув, добавил, словно одарил: – Без очереди проведу.

– Простите, Евгений, спасибо за предложение, но я воздержусь, – ответила Беата, и ей показалось, что он впервые расстроился, поэтому решила объяснить: – Меня Агния Орлова наняла разобрать ее архив. Работать буду круглосуточно, хочу успеть до Нового года вернуться домой. Сын маленький ждет и мечтает отмечать его со мной, а не с бабушкой.

Жека обижаться перестал и посмотрел на свою пассажирку с сожалением, словно она была маленьким ребенком, который еще не знал всей несправедливости жизни.

– Не отпустит она вас, – сказал он, медленно подбирая слова. Жека уже не улыбался, словно ему было неловко за то, что он расстраивает планы маленького мальчика отметить Новый год с мамой, – она представление приготовила, зрителей позвала, вы ей зачем-то очень нужны, и это точно не архив.

Сказав странные слова, Жека замолчал и уставился на дорогу, которая из широкой трассы превратилась в узкую колею. Он почему-то расхотел дальше разговаривать. Как будто не хотел врать.

«Да, – усмехнулась про себя Беата, – не прав был Булгаков, запрещая разговаривать с незнакомцами. Я бы перефразировала знаменитое выражение так: никогда не разговаривайте со скучающим обслуживающим персоналом».

Глава 2

Подслушивать нехорошо, но интересно

«Берлога» поражала воображение: это был целый комплекс, состоящий из нескольких домов, окруженный массивным деревянным частоколом. На воротах висела огромная табличка из дерева, информирующая гостей, что они приехали в «Берлогу». Более не было никакой информации, что это: санаторий, турбаза или гостиница, видимо, хозяин данного заведения посчитал, что названия достаточно. Посередине участка стоял самый большой дом, построенный из огромных круглых бревен с панорамными окнами и украшенный иллюминацией. На улице уже начинались сумерки, и разноцветные огни светились, создавая новогоднее настроение.

– В таком доме должен жить Дед Мороз, – вслух сказала Беата, стоя у машины и рассматривая впечатляющее сооружение.

– Красиво? – радостно спросил Жека. – Вам туда, – гордо сказал он, словно делал Беате подарок.

– А вам? – решила повредничать она.

– Не, мы, работники, живем все вон в том доме, – Жека показал на крайний дом в глубине участка.

– А это что? – спросила Беата, указывая на второе по величине здание, соединенное с первым длинным переходом.

– Это сауна, – мечтательно пояснил водитель.

– Понятно, – Беата не любила бани. Они казались ей чем-то постыдным, скопищем порока и грязи, – обычный отдых современных буржуа, – философски заметила она вслух.

– Не, – серьезно помотал головой Жека, – буржуев у нас нет, на новогодние праздники «Берлогу» зарезервировала Агния Орлова, великая актриса.

– Ну тогда все понятно, – не стала вступать с недалеким Женькой в полемику Беата.

Он подхватил ее чемодан и понес в дом, а она решила взглянуть на Ладogu. Спуск к озеру тоже был благоустроен в духе сказочного домика с массивной деревянной лестницей. Когда Беата подошла к ступенькам, спускающимся вниз, то услышала странный разговор:

– Все пропало, все рушится, понимаешь ты или нет, – говорил молодой мужской голос. В нем чувствовались истерические нотки. Чувствовалось, что мужчина обладал тонкой душевной организацией.

– Еще все можно исправить, – женский голос тоже был расстроенным, но казалось, что представительница слабого пола старается не показать этого. Интонация выдавала в хозяйке голоса женщину в возрасте.

– Нет, ничего уже не исправишь, это конец, – показалось, что мужчина начал всхлипывать.

– Старуха может не дожить до Нового года, – сказала женщина, и было件нятно, что эти слова дались ей тяжело.

– Эта тварь еще нас с тобой переживет, – все больше распалялся молодой человек, повышая голос.

– Тише, – шикнула на него женщина, и они замолчали.

Беата поняла, что если она сейчас направится в обратный путь, то ненавистный снег будет предательски скрипеть под ногами. Ветер с Ладogi уже залез под ее пуховичок, который был функционален только для московской зимы, а вязаная шапка на голове пропускала ветер, даже не думая его задерживать, заставляя свою хозяйку передергиваться от холода. Постояв еще немного, она решила, что пошли они со своими тайнами, и уже собралась идти в дом, как к

ней навстречу по лестнице с берега Ладogi поднялась женщина. Вот кто был одет по погоде, так это она. На ней была огромная дубленка с капюшоном, отделанная чернобуркой. На ногах у незнакомки были красивые валенки белого цвета. Беата позавидовала ее наряду, в который раз поправив свою шапку, словно это могло хоть как-то помочь.

– Здравствуйте, – женщина улыбнулась дружелюбно, но глаза оставались холодными, как все вокруг. – Вы, наверное, Беата Иофе? – спросила она.

– Да, – подтвердила она свою личность.

– Что ж вы стоите здесь на ветру, проходите в дом. Да и одежда у вас не для этих мест, в такой одежде вы пропадете на Ладогe.

– Ну, я как-то не собиралась идти в лес, – грубо ответила Беата, – насколько понимаю, работать я все-таки буду в помещении.

Женщина, видимо не ожидая столь резкого ответа, взглянула на нее с интересом и представилась.

– Меня зовут Корнелия, – уже без особой любезности сказала она, – управляющая делами Агнии Орловой. Вы приглашены великой актрисой для работы с ее архивом. Пройдемте, я представлю вас ей.

Корнелия словно очень тонко намекнула Беате, что та лишь обслуживающий персонал, такой же, как и она сама, так что не стоит выпендриваться. Но не это поразило Беату. Вот уже второй человеку забытую всеми советскую актрису, которая, по ее мнению, не блистала талантами никогда, на полном серьезе называет великой. Что это: общий психоз поклонения идолу? Или это правила дома, которые так привыкли соблюдать, что они уже въелись в нутро? Навряд ли, еще пять минут назад эта женщина, скорее всего, именно великую актрису называла старухой, которая может не дожить до Нового года.

Проследовав за строгой Корнелией, Беата все же обернулась в надежде увидеть малахольного молодого человека, пять минут назад проливавшего слезы в дубленку строгой управляющей, но его по-прежнему не было.

Дом был великолепен, высокие потолки и огромные панорамные окна в сочетании с натуральными бревнами и идеальным, по мнению Беаты, дизайном делали его сказочным. Эдаким современным домиком волшебника, затаившегося в карельском лесу. «Хорошая фактура для детективного сюжета», – вдруг подумалось ей.

Когда Корнелия сняла верхнюю одежду, оказалось, что это маленькая женщина лет пятидесяти с жидкими волосами, убранными в шишку, и печальным лицом, не знающим косметики. Конечно, не Беате об этом судить. После того как Степан ушел, она полностью ударилась в работу, оставляя то небольшое время, которое у нее оставалось от работы, сыну. Поэтому ее лицо ничем не отличалось от лица помощницы, разве что молодостью. Ну, конечно, спасением были и ее кудрявые от природы волосы, которые без всяких усилий со стороны их обладательницы складывались в красивую прическу, эдакое каре из локонов естественного русого цвета.

– Агния просила, как только вы приедете, сразу направить вас к ней, – сказала Корнелия.

Одета она была в строгое черное платье со старомодными вязаными манжетами и таким же воротником. Беате вспомнилось, как в детстве мама учила ее вязать крючком такие же ажурные вещи. Все это придавало некую сюрреалистичность ситуации, поэтому она в джинсах и черной водолазке чувствовала себя неуютно, словно тоже должна была нарядиться в скромное платье прошлого века.

– Правое крыло первого этажа полностью принадлежит Агнии, – говорила Корнелия, попутно проводя экскурсию по дому, – сюда можно заходить только с разрешения хозяйки. Остальные гости находятся либо в гостиной-столовой в левом крыле, либо в комнатах на втором этаже.

– Остальные? – удивленно спросила Беата. – В доме стоит такая тишина, что я думала, мы здесь одни.

– Что вы, – сказала Корнелия, – сейчас в доме почти все родственники, приехали на юбилей Агнии.

– Да вы что, – решила поддержать разговор Беата. – И когда же столь радостное событие?

– Через два дня, двадцать девятого декабря, вы тоже приглашены, – сказала Корнелия и постучалась в массивную дверь.

– Почему-то меня это не радует, – тихо пробурчала Беата, входя в роскошную комнату.

Глава 3

Волосы или прическа

Старушечьи глаза всматривались в Беату, словно хотели пронзить ее насквозь. Вот уже пять минут она стояла перед пожилой дамой, восседающей в огромном кресле, похожем на трон, и казалось, что молчание несколько затянулось. Именно сейчас ей вспомнилось выражение одного прощелыги-журналиста, с которым перед отъездом она поговорила. Беате очень хотелось узнать что-то о женщине, которая за семь дней работы предлагает такую щедрую плату. Вениамин работал на соседнем, конкурирующем канале, и поэтому пришлось поднимать все имеющиеся знакомства для встречи с ним. Просто никто другой так и не смог взять у нее интервью за последнее время. Из ныне живущих очкарик Веня был единственным журналистом, допущенным к телу престарелой звезды.

– Ты знаешь, я был атеистом до встречи со старухой, но сейчас я уверен, что она продала душу дьяволу. Задорого продала, наверняка торговалась, потому как везучая дама до чертиков, а души в ней нет.

И вот сейчас, глядя в бездонные глаза пожилой женщины, Беата тоже не видела в них души, только холодный, почти ледяной расчет.

– Подхожу? – не выдержав такой открытой оценки, задала она вопрос, но старуха лишь ухмыльнулась еле заметно и жестом пригласила ее сесть за большой письменный стол.

– Мне от тебя необходима кое-какая работа, – она сразу перешла на ты, и Беату от этого покорежило, она не любила панибратства. Хотя на телевидении, где она работала журналистом, это было нормой, но даже этих раздолбаев Беата приучила, что грубая девушка с юга не терпит, когда ее стучат по плечу. Папа, который всю свою жизнь проработал директором, еще в детстве дал ей несколько советов. Один из них звучал так: если не хочешь проблем в коллективе, не позволяй ни начальству, ни подчиненным хлопать себя по плечу. А отец для Беаты был авторитетом всегда, и даже сейчас, после смерти, остается таковым.

– Давайте мы с вами перейдем на вы, – перебила она старуху, – думаю, это будет удобнее и мне, и вам.

Пожилая актриса удивленно подняла бровь и продолжила, словно не услышав предложения Беаты. На руках ее красовались перстни разных цветов и размеров – от огромного с ярко-красным рубином до небольшого с камнем, очень похожим на бриллиант, но чересчур, по мнению Беаты, большого для драгоценного камня.

– Сядь, – указала она на письменный стол, взмахнув своими перстнями, так что даже солнечные зайчики пробежались по комнате.

Беата решила, что показывать характер пора заканчивать, уговорив себя, что прощает старухе все за ее преклонный возраст и хороший гонорар, за последнее особенно.

– На столе стоит коробка, открой, – удивительно, но, несмотря на возраст, голос у Агнии был высокий и звонкий, словно и не исполняется ей на днях девяносто лет.

Беата подошла к большому дубовому столу, глядя на шикарное кожаное кресло, немного посомневалась, но садиться в него все же не стала, а просто открыла старую потрепанную коробку.

– Это письма от одного прекрасного человека, который любил меня всю свою жизнь. Любил по-настоящему меня ту, которая я есть на самом деле, и еще я очень ему обязана. Я хочу, чтоб ты из писем сделала красивую историю любви. Врать и придумывать ничего не надо, собери просто все в одну книгу.

– Продать хотите? – спросила по-деловому Беата, она была самой прямолинейной и беспринципной в их отделе. Никто бы в здравом уме и светлой памяти не дал снежной королеве

Беате делать репортаж о любви, а уж разбирать любовные послания полувековой давности тем более. Странно, что такая скрупулезная в выборе журналистов дама не подготовилась и не уточнила информацию о той, кого нанимала.

– Нет, – сказала Агния, хотя Беата не ждала ответа, вопрос был риторический.

Оттого услышанное поразило циничную журналистку, и она уточнила:

– Зачем тогда вам ворошить эти розовые сопли?

– Ради любви, – мечтательно ответила Агния, – ради памяти.

– Ну, вы и так помните, – логично рассудила Беата и спросила у пожилой актрисы: – Зачем об этой любви помнить кому-то еще?

– Это личное, и вообще, я пригласила тебя не для того, чтоб ты задавала оскорбительные вопросы, – разумно возмутилась Агния Орлова. – Делай то, за что тебе платят, или проваливай.

– Не хотела вас обидеть, – ничуть не раскаяваясь, сказала Беата, – мои вопросы связаны именно с работой. Я должна знать, зачем вам эта книга, кто ее будет читать, какую смысловую нагрузку она должна нести.

– Интересно, кто же из тебя, такой молодой, уже успел сделать стерву. Я думаю, это первая любовь, хотя нет, – было видно, что Агнии не нужен ответ Беаты, она рассуждала вслух и наслаждалась этим, – тебе двадцать восемь, и про первую любовь ты, скорее всего, уже забыла. Этот поганец, твой муж, он изменяет тебе направо и налево, хотя тоже не так, – Агния засмеялась, сейчас она как будто была в своей стихии, – он бросил тебя, изменил с твоей подругой в твоей же кровати. Точно, и теперь ты озлоблена на весь мир, стараешься работать так, чтоб он узнал о твоих успехах и пожалел о том, что бросил. Своего жилья у тебя нет, съемная квартира и кошка. Хотя, о чем это я, ты же живешь на работе, и твоя кошка, если она когда-то была, давно уже сдохла.

– Вы правы, – согласилась Беата, улыбаясь, – ее звали Муму. Сначала я подумала, что это карма имени, но сейчас вы мне открыли глаза на истинную причину безвременной кончины родного животного.

– Шутишь? – усмехнулась Агния. – Это тоже часть защиты, только дура ты. Ушел он от тебя не потому, что ты была неуспешная, а потому, что ты не женщина. Ты посмотри на себя в зеркало, даже я в свои девяносто выгляжу лучше. Что у тебя на голове?

– Всегда думала, что волосы, но, по-моему, у вас другой вариант? – пыталась дерзить Беата.

– Вот именно, тусклые волосы, – продолжала топить ее Агния, – волосы, за которыми никто не ухаживает, натурального, хотя честно скажем, никакого цвета с такими же натуральными неуклюжими буклями. Молодость немного спасает тебя, даря им густоту, но помни: она быстротечна. Знаешь ли ты, что должно быть у настоящей женщины на голове? – в этот момент великая актриса сделала мхатовскую паузу и торжественно ответила на свой же вопрос: – На голове у настоящей женщины должны быть не волосы, а прическа. Ну да, я думаю, твои букли об этом даже не слышали.

– Я обязательно им расскажу и при случае свожу на экскурсию в салон.

– Ты бы лучше свое лицо туда сводила. Если бы в мои годы было столько всяких разных уходов, то я сейчас выглядела бы твоей ровесницей, – сказала Агния, сверкнув перстнями.

– Не скромничайте, вы так и выглядите, – поддакнула Беата.

– Я знаю, – очень достойно ответила та и продолжила: – Что за цвет лица, а круги под глазами, как у панды, ужас.

– Не обижайте милое животное, я его недостойна, – продолжала дерзить Беата, но сдерживаться становилось все тяжелее.

– Про твою одежду я вообще молчу, черная водолазка и синие джинсы – это моветон, ты бы хоть какое-нибудь украшение надела. Могу поспорить, что приехала ты в пуховике и вязаной шапке черного цвета, потому что так удобно.

– И шапка, и пуховик бордовые, – поправила Беата.

– Прости, – сказала Агния и театрально прижала руку к груди, – я не знала всю глубину трагедии. По мне – так лучше бы черного, тогда можно было бы хоть как-то оправдать твои синие джинсы. Бордовый пуховик – это точка в образе синего чулка.

– Ну раз вы такая красавица и роковая женщина, – не смогла сдержаться Беата и решила сказать вздорной старухе все, что думает, бог с ними, с деньгами, зато провести с Тошкой Новый год куда приятнее, – зачем вам воспоминания полувековой давности? Насколько я знаю, у вас было три мужа, вот о ком можно было бы писать. Видный деятель партии города Москвы, другой – знаменитый режиссер, третий – вообще грек, миллионер. Или не все так радужно и ваша женственность и вам счастья не принесла?

Сказав это, Беата выдохнула и тут же поняла, что проиграла. Агния сидела и искренне потешалась над ней. Было видно, что именно этого она добивалась от нее – вывести на эмоции, а Беата повелась, дура.

– А это была единственная любовь всей моей жизни, и уж точно этот человек любил меня просто потому, что любил, но тебе, видимо, этого не понять, – уже выходя из комнаты, Агния задумалась и добавила: – Пока не понять, но шанс все же есть, небольшой, но есть. Компьютер для работы на столе, своим не пользуюсь: я должна контролировать все. Пароль на компьютере – дата окончания Второй мировой войны, – уже другим тоном, переходя с мечтательного на деловой, сказала Агния и вышла, не дав шанса Беате хоть что-то сказать ей в ответ.

– Ну хорошо, – сказала Беата уже пустой комнате, – один – ноль в вашу пользу, – и, словно приняв правила игры, добавила: – Пока в вашу, но с паролем вы, по-моему, перемудрили.

Письмо первое

Сентябрь 02.09.1945 г.

Здравствуй, моя любимая, моя Ассоль, мое солнышко ясное.

Как ты там поживаешь без меня? Страна радуется, война закончилась, скоро жизнь станет совсем другой. Вчера мой отец прислал весточку с японского фронта, пишет, что и там победа. А как же по-другому, по-другому быть не может, мы воевали за справедливость, за правду, поэтому сила на нашей стороне. Хоть нам с тобой и по шестнадцать лет и на фронте мы не были, но помогли нашей стране как могли. Помнишь тогда, зимой сорок первого, все ушли на защиту Москвы? Нам с тобой было всего по двенадцать лет, но твой отец доверил нам работу в типографии, и мы трудились день и ночь, зная, что газеты очень нужны стране, чтоб не упасть духом, чтоб победить врага. А после тяжелой смены мы спали в холодной подсобке, напившись кипятка. Как же нам трудно тогда было, как страшно. Да что там, не только нам, всей стране, но на то мы и советские люди, что сдюжили, выжили и победили. Как там твой отец, все еще работает в типографии? Сейчас, наверное, приятно печатать новости, они все сплошь о победах, о радости. Это все равно что нести людям счастье. Хорошая работа у него, всей душой радуюсь и даже немного завидую.

Как поживает наша любимая Москва? Наверное, сверкает, сняв с себя завесу грусти и страха. Окна на широкой улице Горького вновь ловят солнечных зайчиков, став блестящими? Нет, я не жалею. Здесь, на Дальнем Востоке, в маленьком городке Белогорске тоже очень красиво, мы живем с

мамой и Сашкой в гарнизоне. Брат стал совсем большим, ты увидишь его и не узнаешь. Отца здесь жутко уважают, а вчера командир сказал, что представит его к награде, так как такого хирурга днем с огнем не сыскать, ведь отец спас множество солдат. Знаешь, он пишет, что самое сложное на войне – это не ожесточиться, не стать злым и циничным. Потому как постоянное горе и слезы выжигают в душе все живое, и вот когда это выжженное поле, где уже нет места доброте, встречается с врагом, то случается страшное: человек превращается в палача.

Я, конечно, очень скучаю по Москве, но ты не подумай, я не жалуюсь, здесь тоже есть чему удивляться. Милая моя, ты даже представить себе не можешь, какая здесь природа, на нее я готов часами любоваться. Она кормит своими лесами местных жителей, тут столько грибов, ягод, а еще есть папоротник. Они собирают его в лесах, солят и потом едят. На что похоже, я не могу передать, это будто смесь мяса и грибов, очень вкусно. Когда мы будем вместе, моя Ассоль, я хочу, чтобы мы обязательно приехали в эти края хотя бы на недельку, хотя бы попробовать папоротник и голубицу. Это еще одно мое открытие: такой вкусной ягоды я не пробовал в жизни. Правда, растет она в основном на болотах и собирать ее жутко трудно, зато варенье потом получается отменное.

Отец писал нам, что в скором времени войска будут перебрасывать по своим гарнизонам и будет масштабная демобилизация. Он мечтает вернуться в свою больницу, мама – в школу искусств, а я к тебе, моя любимая, мое солнышко, моя красавица, моя Ассоль.

Чтоб не заканчивать письмо на грустной ноте, расскажу я тебе одну смешную историю. Офицерские жены в гарнизоне с превеликим счастьем ждут посылки с оказией от мужей с этой странной дальневосточной войны. Дойдя до далекого Харбина, наши солдаты много чего повидали и много чем обзавелись. В зависимости от чина своего мужа, соседки часто хвастаются на общей кухне, что такого интересного, а то еще и вкусного прислали их мужья. С нетерпением ждали и мы передачи от отца. Нашей соседке Нюрке уж десятая посылка пришла, а нам ничего. И вот наконец наступил счастливый час. Нам офицер, возвращающийся с фронта, принес сколоченный из старых брусков и досок ящик. Счастью нашему не было предела, особенно радовался Сашка, ожидая угощения. Китайская тушенка, по слухам, была очень вкусной, и тот мечтал ее попробовать. Каково же было наше с мамой разочарование, когда в нем мы обнаружили грязные отцовские вещи, медицинские инструменты и пару записных книжечек. Помнишь, тех, что мы с тобой пытались в детстве открыть, такие большие, с деревянными обложками на маленьком замочке. Да-да-да, милая моя, отец до сих пор таскает их с собой, хотя они очень тяжелые, и по-прежнему закрывает на эти маленькие замочки, словно боится, что кто-то случайно раскроет тайны этих блокнотов. Но я его понимаю, ведь это память о моем деду.

Помнишь, как папа читал нам с тобой в детстве истории, записанные в этих книгах? Про императора Китая, про его печать, которая была вырезана из нефрита в 221 году до нашей эры для правителя Цинь Шихуанди, про то, как именно он объединил шесть воюющих государств под властью династии Цинь. Что удалось ему это, потому что печать та была вырезана из знаменитого нефритового диска Хэ Ши Би, который был украден в государстве Чжао. Нам с тобой тогда казалось, что отец читает сказки, и

лишь позже я узнал, что это дневники моего деда, оказывается, знаменитого в царской России путешественника. Отец не любит об этом говорить, но я знаю: дед был дворянин, дипломат и даже был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Он очень много времени провел в Японии и на Дальнем Востоке, но особенной его любовью был Китай. Дед грезил найти нефритовую печать, которая пропала в 900 году нашей эры. По легенде, последний император, державший ее в руках, расколол символ власти на мелкие кусочки и выкинул в глубокий колодец, но дед пишет в своих дневниках иначе. Он нашел доказательства, что печать сохранена и залита в статую Будды Майтрейи. Последние следы этой статуи всплывали в маленьком городке Харбин. Я же думаю, что это все сказки, просто дед был очень увлечен этой идеей. Представляешь, папа дошел до этого самого Харбина, видимо, ему очень хотелось в память о своем отце, чтоб записи деда побывали там. Но обратно тяжелые книги с массивной деревянной обложкой тащить не захотелось, и он отправил их нам с оказией.

Мама даже немного поплакала над посылкой, уж очень хотелось ей шелковый платочек, которыми так хвастались местные модницы. Да и Сашиному разочарованию тоже не было предела, он хоть и взрослый уже, почти десять ему, но, по сути, еще совсем ребенок. Я же посмеялся над ситуацией и сказал матери прекратить реветь, потому как эта посылка говорит лишь о том, что наш отец глубоко честный и порядочный человек и мы можем им гордиться. Вот так, милая моя Ассоль, иногда старые грязные вещи могут сказать о человеке столько хорошего. Я теперь еще больше горжусь своим отцом, даже видя все ужасы этой страшной войны, возможно, самой страшной, которая когда-либо была на нашей планете. Прощаюсь с тобой, надеюсь, что ненадолго. Пиши мне обязательно. Навсегда твой Грэй

P.S. А тушенку Сашке и платочек маме я все-таки достал. Соседка Нюрка предложила на огороде поработать, картошки она насадила полигон, а копать некому, не вернулись еще солдаты. Сразу смекнув, я сказал, что сделаю все сам, за это мне очень нужна банка тушенки «Великая стена» и два шелковых платочка: один желтого, другой голубого цвета. Она, конечно, поторговалась немного, но я был непреклонен. Так что Сашка съел целую банку один, я даже ему сказал, чтоб не делился, потому как хотел его порадовать. Он всегда мечтал наесться от пуза. Говорит, такую вкуснятину никогда и не пробовал. Мама же в платочек желтенький наряжается, а тебя, милая моя Ассоль, ждет платочек голубого цвета, такого же сказочного, как твои глаза.

Глава 4

Помощница-полиглот

«Чушь какая-то», – подумала Беата, закончив читать первое письмо.

Она открыла ноутбук и стала переносить в просторы цифры текст с пожелтевшего листка. К концу работы ей показалось, что получилось начало на удивление неплохой истории. Жаль, конечно, что это будут лишь розовые сопли. Если бы ей дали карт-бланш, то из одного этого письма она бы сделала хорошую детективную историю. Пробежав глазами по тексту еще раз, она удовлетворенно вздохнула: все-таки есть талант.

Беата была лучшей на курсе, ей прочили большое будущее в журналистике. Но тогда той Беате это было ни к чему, в родном Геленджике ее ждал Степан. Не задумываясь ни минуты о предложениях, которые посыпались ей после получения диплома, она вернулась домой. Ведь главное – это семья, а не карьера, так всегда говорила мама, которая посвятила всю свою жизнь отцу и дочери, оттого не умела в этой жизни больше ничего. Когда отца не стало, мама сразу даже не поняла, как жить дальше, поэтому его роль на себя взяла дочь. С восемнадцати лет Беата помогала матери материально, не давая той опустить руки. В Москве после учебы, усталая, она плелась в пахнущую горелым маслом закусочную и бодро кричала: «Свободная касса». Позже мама все-таки взяла себя в руки, продала машину, дачный домик, все украшения, что дарил ей отец, и, положив приличную сумму в банк, перестала просить у дочери денег.

После предательства мужа Беата воздала хвалу Господу, что все-таки получила образование, а не повелась на уговоры Степана пожениться сразу после школы и пойти вместе работать в кафе на набережной.

Обзвонив своих сокурсников в Москве и соглашаясь на любую работу, она прихватила маленького двухгодовалого Тошку и улетела в новую жизнь. В ней она точно знала: теперь на первом месте будут работа, карьера и деньги. Личная жизнь остается лишь привилегией, которая может случиться, а может и нет, и то если это не будет мешать карьере. Правда, в ее такой жестокий и циничный мир не вписывался маленький Тошка, который начал ходить в садик, постоянно сопливил и скучал по матери. От этого сердце разрывалось, но Беата знала, что и Тошка, и мама теперь зависят от нее. Поэтому вытирала сопли, целовала в макушку сына и отправляла в детский сад. К трем годам смысленный не по возрасту сын и вредная воспитательница Сталина Павловна уже привыкли, что Иофе Антона приводят в группу раньше всех, а забирают позже, иногда даже у сторожа Матвея Ильича, и это правило, которое не меняется. Возможно, в такой жизненной ситуации есть и плюсы, рассуждала Беата, глядя, как сейчас, в пять лет, сын сам одевается и чистит зубы, ведь он уже готов к этой жизни и знает, что легко не будет. Вот Беата не знала, и что? Росла как аленький цветочек на окошке, за которым ухаживала мама и который безмерно любил отец. В итоге сначала потеря отца больно ударила по одной щеке, хоть и был он намного старше мамы, но Беата была уверена, что он вечен. После жизнь подумала: маловато – и вlepила ей вторую пощечину в лице уходящего в закат Степана.

Получив развод, Беата поменяла фамилию и себе, и сыну, став опять, как в девичестве, Иофе. Муж не только не сопротивлялся, но и, казалось, даже не заметил этого. Он важно ездил по родному городу на внедорожнике и командовал в том самом кафе, в котором еще три года назад работал барменом.

Антону было два годика, когда Степан решил уйти, поэтому он не привязался к сыну, не полюбил маленькое создание. Возможно, это случилось потому, что первые два года, пока Беата сидела у кровати маленького сынишки, муж крутил роман с начальницей, хозяйкой того самого кафе, женщиной немолодой, но чертовски привлекательной, придумывая себе постоянную работу и ночные смены.

Стол в странной комнате, больше похожей на музей, где показывают быт охотника, стоял сбоку от двери, так что входящему он был не виден. Когда дверь зашкрипела, Беата сначала решила, что вернулась старуха, и напряглась, приготовившись опять играть с ней в психологические игры, но зашел странный парень. Не заметив Беаты, он, крадучись, стал продвигаться в сторону кресла, в котором восседала несколько часов назад хозяйка дома. Добравшись до места, он стал разглядывать маленький журнальный столик, явно что-то ища на нем.

– Что-то ищите? – решила обнаружить себя Беата.

Парень резко повернулся. Испуг был большими буквами написан на его лице, но не только он, что-то еще было там, пугающее и не совсем нормальное.

– Мирон помогает, – сказал он так, словно ему пять лет, – Агния теряет, а Мирон находит.

Странно, но парень внешне не выглядел сумасшедшим, и только из его несвязной речи становилось понятно, что что-то не так. Красивые локоны натурального пшеничного цвета, которым могли позавидовать модницы, свисали до плеч, делая его похожим на ангела. А если к этому прибавить еще и вытянутое лицо с четко выраженными скулами и небесно-голубые глаза, то сходство становилось необычайным. Беата растерялась от такой разницы внешности и речи и сказала первое, что пришло в голову.

– Хочешь, помогу, ну, искать, – предложила она странному ангелу.

– Нет, Мирон всегда сам, – он, как ребенок, замахал испачканными в чем-то руками в ответ на предложение, – Агния всегда хвалит, если Мирон находит. Мирону нравится, что его хвалят.

И, словно решив, что достаточно пояснил ситуацию, быстро вышел из комнаты.

– Дурдом, – вслух сказала Беата, закрывая компьютер.

– А вот ругаться в нашем доме не принято, – на пороге стояла Корнелия и осуждающе смотрела на гостью, – тем более если наш дом принимает вас как родную. Мирон – божий человек. На Руси издавна называли юродивых приближенными к Богу и считали, что они общаются с ним напрямую, без молитв, потому обижать их считалось большим грехом. Не начинайте с греха.

– Боже упаси, – сказала Беата, придя в себя, – даже не замахивалась на это кощунство, просто была несколько не готова встретить здорового пятилетнего ребенка. Обещаю исправиться и больше так не реагировать на вашу персональную связь с Господом и надеюсь, что на его руках все-таки не кровь.

– Это краска, Мирон – художник.

– Ненормальный художник, претендуете на славу Дали, плагиат.

Корнелии не понравился ответ, но она сдержалась и, хмыкнув, произнесла:

– Даже не знаю, за что такая честь, но Агния приказала поселить вас в доме.

– А что, был вариант остаться на улице? – спросила Беата, сделав испуганные глаза. – Я человек южный и к холоду отношусь отрицательно, на снегу спать не умею, имейте в виду.

– Обслуживающий персонал у нас живет в крайнем домике, – терпеливо пояснила Корнелия.

– И даже вы? – уточнила Беата, но та ничего не ответила и лишь зло посмотрела в ее сторону.

– Пройдемте, я покажу вам вашу комнату, – взяв себя в руки, сказала помощница.

– Невзлюбили вы меня, Корнелия, а зря, – Беата поднималась на второй этаж за недовольной помощницей и с опозданием пыталась наладить контакт. – Делить-то нам нечего. Напишу я эту дурацкую книгу и уеду, возможно, даже до Нового года, а свой человек в Москве вам никогда не помешает. Я и билеты в театр могу достать, и экскурсию провести в Останкино.

– У вас контракт до второго января, – сухо оборвала ее мечты Корнелия, – билеты в театр сейчас, в период Интернета, не проблема, а экскурсию по Москве я и сама могу вам провести. Не думаю, что провинциальная девочка, сбежавшая из своего Геленджика пять лет

назад, может удивить чем-то меня. Моя бабушка слушала в Ленинграде стихи Ахматовой в авторском исполнении, моя прабабушка сидела на руках у Бунина.

– Почему вы пропустили маму? – резонно заметила Беата. – Наверняка она тоже отсидживала чьи-то знаменитые коленки?

– Моя мама дружила с самим Рудольфом Нуриевым, заслушиваясь исполнением песен самим Высоцким. Пришли.

Корнелия распахнула двери комнаты и пропустила гостью вперед. Это была стандартная гостиничная комната. Стены, как и во всем доме, были из большого круглого дерева, посредине стояла двуспальная кровать, шкаф, стол и телевизор.

– Ну так себе, – разочарованно сказала Беата, – а туалетная комната?

– Одна на этаже, – пояснила Корнелия и, чтобы избежать других вопросов, добавила: – Это не частная резиденция, это база «Берлога», которую на дни новогодних каникул сняла великая актриса Агния Орлова.

– Понятно, – примирительно сказала Беата, – провинциальной девочке, сбежавшей из своего Геленджика три года назад, – прошу заметить, не пять, а всего лишь три, – и не в таких «Берлогах» приходилось жить. А почему вы сказали про контракт? Ведь если я буду работать по ночам и сделаю книгу раньше, зачем мне здесь дольше сидеть, только вас буду раздражать.

Было видно невооруженным глазом, что это больная тема для язвительной с виду журналистки, поэтому Корнелия ответила ей с особым удовольствием:

– Вам в ваши двадцать восемь лет пора уже научиться читать то, что вы подписываете. Пункт 3.2.4 гласит, что вы обязуетесь находиться на базе «Берлога» до второго января. В случае неисполнения указанного пункта оплата за работу в сумме двух миллионов рублей не будет выплачена.

– Ого, – на самом деле удивилась Беата, – зато вы, как погляжу, хорошо осведомлены о моем контракте и даже о сумме, надо же.

– Странно было бы, если бы я не знала то, что составляла сама, – первый раз лицо Корнелии изменилось, и на нем появилось подобие насмешки.

– У вас есть юридическое образование? – спросила Беата, в голове решая, сможет ли она оспорить контракт.

– У меня три высших образования: юридическое, медицинское и техническое, – спокойно и без хвастовства ответила Корнелия.

– И как с таким багажом знаний и всего лишь домоправительница? – усмехнулась Беата.

После этих слов лицо Корнелии стало белым. Было видно, что сейчас Беата попала в точку, в большую кровотокающую точку, слабое место москвички в пятом поколении.

– Я не домоправительница, – по слогам ответила побелевшая Корнелия. Ее бесцветная, почти прозрачная кожа пошла алыми пятнами, – я тридцать лет правая рука великой актрисы Агнии Орловой. Через час ужин в столовой.

Беата была бы не Беата, если бы промолчала, видя, что попала в точку. Уже вслед уходящей Корнелии она крикнула:

– И все же я думаю, что-то вас здесь держит. Если она у вас забрала паспорт и шантажирует, моргните два раза, я постараюсь вам помочь. Я все-таки профессиональный журналист, а не писатель женского мыла, не такие дела раскручивала.

Ничего не ответив, Корнелия хлопнула дверью.

– Станный дом, поэтому и домочадцы странные, – вслух сказала Беата, а про себя подумала, хорошо, что она не любит доверяться судьбе. Перед поездкой, подключив все свои уже многочисленные знакомства и просидев несколько вечеров в архивах разных ведомств, вместо того чтобы потратить это время на сына, все-таки выискала интересную информацию о своей нанимательнице. Так сказать, грязное белье, оказывается, было и у нее, и теперь на всякий

случай у Беаты был ключик к сердцу, ну или к расположению великой актрисы. Инстинктивно она потрогала карман на сумке: бумаги были на месте.

«Я не хочу никому вредить и никого шантажировать, – в который раз оправдалась она перед собой, – это просто страховка на случай непредвиденных обстоятельств».

Но Беата даже представить себе не могла, насколько непредвиденными станут вскоре обстоятельства и что на эти бумаги она будет смотреть совсем другими глазами.

Глава 5

Корнелия тоже любит

Корнелия Звонарская была зла на всех: на эту выскочку журналистку, на старуху, на себя и даже на него, на своего мальчика. Ей только показалось на миг, что жизнь начала налаживаться, что счастье в этом мире возможно, и даже ей, некрасивой девочке из интеллигентной московской семьи, отрабатывающей карму родителей, Господь тоже выделил кусочек счастья. Конечно, она никогда бы не призналась, но втайне ото всех Корнелия, выросшая на Блоке, Тургеневе и Ахматовой, читала наивные женские романы, как под копирку похожие один на другой. Главной темой в них была мысль о женском счастье рядом с любимым мужчиной, красивым, мускулистым и молодым, который смотрит на свою суженую с обожанием и грозит всю жизнь носить на руках. И вот когда все эти тайные желания начали исполняться, появилось препятствие, которое необходимо устранить.

«Почему, – задавалась с утра она вопросом, – одним все дается легко, а другим приходится выбивать каждый грамм своего счастья?» Ну ничего, она так долго ждала его, что никому не позволит разрушить замаячившую на горизонте мечту. Надо только подумать, надо только все хорошо обдумать.

– Ты что, замерзла? – громко, словно залепив пощечину, спросила Агния. – Продолжай.

– Наливка сегодня будет, – продолжила зачитывать меню ужина Корнелия, по-прежнему находясь где-то далеко в своих мыслях, – «Морошковая», она имеет пряно-кисловатый вкус с незначительной горечью, с тонким ароматом плодов шиповника, ягод морошки и «медовой» травы.

– Бог с ней, с наливкой, – прервала Агния, – меня все устраивает, добавь еще салат, который подавали мне по приезду.

Корнелия заглянула в свой огромный блокнот и махнула головой:

– Салат по-ладожски из копченого сига, выловленного в ладожских шхерах, огурцов свежих и соленых, отварного картофеля, зеленого яблока. Заправленный ругозерским соусом.

– Да, его, и «калитка» с лосятиной была вчера не очень, больше не заказывай, – вредничала Агния.

Корнелия знала, что для хозяйки важен не столько сам процесс поглощения еды, сколько выбор. Это был своеобразный ритуал, по важности граничащий с посещением сауны, – сегодня пусть будет рыбная «калитка».

– С форелью или с творогом и икрой? – продолжала Корнелия подыгрывать Агнии, но как-то безынициативно, вяло.

– Пусть будут обе. Ты почему сегодня такая, не заболела ли случайно? – заметила настроение своей помощницы Агния. – Бегаешь все к озеру, бегаешь. Что тебе нейдет? Все веришь в Женькины сказки о свечении Ладogi и надеешься жизнь поменять? Так не получится у тебя, кишка тонка, – великая актриса, как всегда, была прямолинейна и жестока с помощницей, – для того, чтоб жизнь поменять, надо на что-то решиться, а ты даже в свои сорок восемь уйти от меня не можешь, и все потому, что перемен боишься. Вот пока будешь сидеть у моей юбки, ничего в твоей жизни хорошего не произойдет. Ты уже восемь лет как могла уйти. У меня в сорок лет только самое интересное в жизни началось. Я, можно сказать, только расцвела, только научилась получать удовольствие от жизни. Ты же ищешь постоянные оправдания своей трусости: то ты денег хочешь подкопить, то меня тебе вдруг жалко стало. А если ты думаешь, что я тебе наследство какое оставляю, то даже не мечтай. Умру я, умрет и твой доход – помни об этом. Можешь, вон, на Валаам съездить, помолиться о моем здоровье, чтоб Господь дал мне еще немного пожить, и ты по миру не пошла.

«А ведь она в чем-то права, – подумала Корнелия, глядя на покрытое морщинами лицо, – мой срок прошел, и я могу быть свободна. Я уже почти десять лет получаю зарплату и скопила немного денег, которых бы хватило на тихую, скромную жизнь, но я до сих пор мучаюсь с ней». В одном не права сейчас великая актриса – Корнелия уже другая, она не боится, она ждет своего часа. Скоро все поймут, кто здесь хищник, а кто жертва. Скоро она победит.

Корнелия стояла очень спокойная, и если бы не сломанная одной рукой шариковая ручка, то могло показаться, что ядовитые слова хозяйки ее совсем не касаются.

Глава 6

Шестеро из ларца, почти одинаковы с лица

Беата сидела за столом и пыталась прийти в себя от шока. Кроме хозяйки, которая возглавляла трапезу, по обе стороны стола сидели шестеро молодых мужчин. Они все были приблизительно одного возраста, поэтому никак не могли быть братьями. Хотя наша история знала примеры, когда женщина рожала одновременно шестерых детей... Но даже если им по тридцать лет, то Агнии тогда было шестьдесят, и, скорее всего, не под силу великой актрисе был такой подвиг, даже если рассматривать чисто физиологический аспект.

Все эти мысли со скоростью света проносились в голове Беаты, пока не давая никакого внятного ответа. При полном официозе на пороге столовой ее встретила Корнелия и усадила по другую сторону стола напротив Агнии. Сейчас же складывалось такое впечатление, что они ведут дуэль взглядами, а молодые люди, по три человека с каждого бока, лишь секунданты.

– Извините, – в гостиную вошла девушка. У нее были рыжие волосы, уложенные в красивую прическу. Не поднимая глаз, она подошла и села за стол, но как-то несмело, словно не имела на это права. Девушка чувствовала себя здесь лишней, и это было видно. Она жалась к бородатому мужчине, словно пытаясь спрятаться за него от взглядов Агнии, которыми та одаривала всех сидящих за столом по очереди. Несмотря на то, что у Беаты была куча вопросов, она решила промолчать, понимая, что именно их сейчас ждет от нее старуха, чисто из вредности решив сломать немного ее маленькое подготовленное представление.

– Что вы будете пить? – спросил парень, сидевший по правую сторону импровизированных баррикад.

– Что-нибудь из местного творчества, – ответила Беата, рассматривая собеседника. Он был самым крупным из шестерых. Его накачанные бицепсы обтягивал смешной свитер с оленями, для большей комичности парню не хватало только ободка с оленьими рожками на его бритой голове – и полное погружение в американское Рождество гарантировано.

– Тогда у нас сегодня наливка из морошки. Вас устроит такой вариант колорита, не слишком резкое погружение получится? – было видно, что парень знает о своей привлекательности, точнее своих бицепсов, поэтому он пытался ими играть. Это у него получалось лучше, чем шутить, заигрывая с противоположным полом.

– Я думаю, в самый раз, – махнула головой Беата.

– Тогда для абсолютного погружения в колорит Карелии вы просто обязаны сходить в сауну, могу составить вам компанию, – тихо сказал он, но так как в комнате стояла полная тишина, то их перешептывания были слышны всем.

– Вы знаете, – таким же громким шепотом ответила ему Беата, – я ненавижу всякие нововидности бань, сауны, хамамы и тому подобное, предпочитая более цивилизованный способ смыть с себя грязь. К примеру, душ, но, боюсь, вы чересчур великоваты в размерах, и в местный мы с вами вдвоем не поместимся. Так что хуйте, а я пока подумаю насчет вашей кандидатуры банщика.

– Максим, – обратилась к качку в оленях Агния, – ты так банален, что даже мне в мои девяносто мерзко тебя слушать.

– Ты, братец, походил бы на курсы по пикапу, знаешь, сейчас есть такие, – вступил в разговор парень, сидевший по другую руку от Беаты. Он был в очках, волнистые волосы, собранные в хвост грязными прядями, струились по сгорбленной спине. Хоть они и были примерно такого же цвета, как у ненормального Мирона, сидящего рядом с Агнией, но проигрывали ему сто процентов. У Мирона это были локоны ангела, у этого же был веник.

– Я-то знаю, а вот ты, Марат, откуда об этом услышал? – ответил ему качок грубо. – Из своего Интернета? Мне кажется, что в свои двадцать восемь ты с настоящей девушкой не был ни разу.

– Прекратите, – сказала Агния, но было ощущение, что на самом деле перепалка ей очень нравится. – Мирон, ты нашел мои очки? – спросила она ненормального. Тот ел быстро и жадно, так что казалось, не слушал разговоры за столом. Но после того, как к нему обратилась Агния, немного наклонил голову набок, улыбнулся и очень осторожно положил на стол очки. Пальцы у парня по-прежнему были в краске, только сейчас вместо кроваво-алых руки были зелеными.

– Молодец, – похвалила его Агния и провела по золотым кудрям сморщенной рукой. – Корнелия, почему у Мирона руки опять в краске? Сколько я тебе говорила следить за его внешним видом.

Корнелия, стоявшая у дверей в кухню, подошла и молча, как маленького, за руку увела сопротивляющегося Мирона, очень хотевшего есть.

В этот момент водитель Жека почему-то в поварском колпаке вошел в столовую, неся в руках огромное блюдо. Его добродушное круглое лицо по-прежнему излучало веру в добро и в человечество в целом.

– Ну, как говорилось в одном всем известном фильме, «Сеня, дичь», – радостно огласил он на всю комнату, – прошу дегустировать и восхищаться – глухарь.

– Жека, да вы, я смотрю, на все руки мастер, – не выдержала Беата и восхитилась парнем.

– Вообще-то я повар на этой базе, – пояснил он ей по-свойски, поставив блюдо на стол, – просто Агния не любит много чужих, поэтому попросила меня гостей встретить. Забегайте ко мне на кухню, поболтаем. Я вас такой рябиновой смоквой угощу, спорю, такой вы никогда не пробовали, – подмигнул он ей.

– Я никакой не пробовала, поэтому спор бесполезен, – усмехнулась Беата. – А что это?

– Это наливка на рябине и шиповнике, – пояснил Жека.

– Всего лишь наливка, а звучит-то как: рябиновая смоква, – съязвил Максим, видимо задетый тем, что Беата с поваром разговаривает очень любезно, а ему жестко отказала.

– Не, – не поняв сарказма, сказал Жека, – просто там есть еще секретный ингредиент, – и, немного подумав, добавил: – Даже два.

– Обязательно заскочу попробовать ваш шедевр, – заверила его Беата, и тот удалился на кухню.

– Вот так надо ухаживать за девушками, Макс, а ты сразу в сауну, – ухмыльнулся другой молодой человек.

Он сидел рядом с качком и, видимо, в отличие от парня в очках, неплохо с ним общался, потому что при этих словах по-дружески и весело толкнул его в плечо. У молодого человека была стильная стрижка, голубые глаза, хотя этим могли похвастаться все шестеро мужчин в той или иной степени яркости. У этого же они были ярко-небесного цвета. Деловой пиджак немного контрастировал с обстановкой, казалось, что его хозяин только вышел из пафосного московского офиса, расположенного где-нибудь в Москва-сити.

– Извините, не представился, – сказал деловой, – меня зовут Михаил, я сын великой актрисы.

– И вам двадцать восемь или тридцать лет? – не выдержав, спросила Беата.

– Вы проницательны, – усмехнулся он, продолжая крутить в руках вилку, – и внимательны. Мне двадцать восемь лет, впрочем, как и остальным.

– А еще моя проницательность настойчиво мне твердит, что вы заядлый курильщик, – вдруг ни с того ни с сего сказала Беата и, не дожидаясь ответа, продолжила: – И сейчас очень хотите курить, потому что нервничаете. Так ответьте мне: почему вы так нервничаете, находясь на милом домашнем ужине, и почему вам нельзя выйти покурить?

– Вы ошиблись, милочка, – вместо переставшего улыбаться Михаила ответила Агния, – мои сыновья не курят. Они у меня милые и хорошие мальчики. Все неплохо учились в школе, конечно, кто-то лучше, как Марат, кто-то хуже, как Максим, но все, абсолютно все не имеют дурных привычек. Иначе они бы сейчас здесь не сидели.

– А как же Мирон? – ухмыльнулся Максим. Было видно, что бицепсы у него больше, чем мозг, и к тому же он плохо умеет с ним обращаться.

– Мирон искупил свою вину, – сказала Агния, зло сверкнув глазами на сына-качка, и тот сразу словно уменьшился в размерах.

– Предположу, что вы своих идеальных мальчиков усыновили, – ощущая, что выиграла этот раунд, сказала Беата.

– Усыновила, – гордо сказала Агния, – сейчас мои сыновья уже взрослые люди, но мы по-прежнему остаемся семьей. Мирон, Максим, Марат, Михаил, – начала перечислять Агния. Молодые люди же, когда называлось их имя, вставали и официально кивали головой, конечно, кроме Мирона, который вернулся с чистыми руками и сейчас просто криво улыбнулся. Надо отдать ему должное, при всей ненормальности своего поведения выглядел он просто красавчиком. Мирона можно было сравнить разве что с древнегреческим покровителем муз и предсказателем будущего златокудрым Аполлоном, лучезарным и сияющим. Таких красавчиков Беата видела только на обложках глянцевого журналов.

– Слава, – продолжала перечислять Агния. После этого покрытый татуировками парень с прической хиппи и наглой, но красивой улыбкой, не вставая, просто махнул головой и насмешливо посмотрел на Беату, словно оценивал, стоит заняться девушкой или нет.

Дальше глаза Агнии остановились на бородатом и его спутнице. Немного сморщившись, словно от зубной боли, она продолжила:

– А это Коля и Элла, его жена, – последнее слово было сказано с безразличностью, словно это было ругательство.

– Ну слава богу, Слава и Коля исправили ситуацию, – весело сказала Беата, отметив ненависть Агнии к невестке, – а то я уже подумала, что вы выбирали их по первой букве в именах, – пошутила она.

Но Агния не отреагировала на ее язвительное замечание и продолжила:

– А это, дети мои, дерзкая журналистка Беата Иофе, она будет писать небольшую книгу моих воспоминаний и пробудет у нас до второго января.

Все восемь пар глаз, включая Корнелию, до сих пор стоящую у двери, как верный страж, резко повернулись и уставились на Агнию, словно второе января было знаковым событием и Беате здесь делать было нечего в столь сакральный день. Но произнести вслух никто ничего подобного не посмел. Лишь один из сыновей, которого Агния назвала Колей, добродушно сказал:

– Добро пожаловать, Беата.

Выглядел он очень просто: белая футболка, синие джинсы. Единственное, что его выделяло среди остальных, – это жена, прячущаяся за спиной, и интеллигентная борода, покрывающая молодое лицо.

– И кстати, – улыбнулся он сквозь свою пшеничную бороду, – мое полное имя – Микола, а Слава по паспорту Мстислав.

– Два – ноль, – довольно сказала Агния, поднимая бокал с морошковой наливкой, – что ж, милые мои, за семью. Я надеюсь, все эти десять дней вы будете меня удивлять. Но не переживайте, у меня для вас тоже припасено много сюрпризов. Я готовилась к нашей встрече и для каждого, – на этом слове Агния ткнула по очереди в каждого, не пропустив даже испуганную невестку. Проводя же свой указательный палец мимо Беаты, она задержалась, хитро подмигнула ей, показав, что она тоже в игре, и закончила затянувшуюся паузу словами: – Приготовила

сюрприз. Не могу сказать, что это абсолютно всем понравится, но то, что вы все будете в шоке и откроете все свои тайны, я вам обещаю.

После феерических слов Агнии, которые были явно подготовлены, а точно проставленные акценты говорили, что еще и срежиссированы, за столом повисла мертвая тишина. К удивлению Беаты, никто не посмел шутить на данную тему. Будучи неплохим физиогномистом и прочитав сотню книг на тему языка телодвижений, Беата заметила, что абсолютно все были испуганы. Даже добродушный и спокойный Микола, героически прикрывавший свою супругу от Агнии, словно забыл про девушку и отстранился. И ненормальный Мирон, не слушавший до этого разговор, вдруг замер. Да что там, все участники данного ужина слышали неприятную новость и сейчас обдумывали ее. Хотя, казалось бы, приемная мама приготовила сюрприз – что может быть приятнее. Только Беата в недоумении оглядывала присутствующих. Остальные все явно понимали. Понимали и боялись.

Письмо 2

Январь 1946 г.

Пишу тебе, милая моя Ассоль, потому что только ты можешь меня успокоить и ободрить, а мне сейчас очень нужна вера в лучшее. Я бы даже сказал, вера в справедливость. Представляешь, мой отец, честнейший человек, сейчас под следствием. Нам с мамой ничего не говорят, от этого становится еще страшнее. Мама ходит совсем бледная, лишь Сашка живет как прежде, своей жизнью, ничего не понимая. Видимо, детство защищает своих от жизни, стараясь как можно позднее пустить к ним страх.

Наша соседка Нюрка, которой я до сих пор помогаю по огороду, по секрету мне сказала, что в Китае случилось страшное происшествие. Ее муж вернулся недавно оттуда и рассказал подробности. В Харбине, в храме Конфуция произошел настоящий разбой: три русских солдата убили старенького охранника и вынесли из храма все, что могли унести. Это, конечно, война, и там бывало всякое, но самое страшное для меня, что когда этих мародеров задержали, то они сказали, что видели в храме и моего отца. Мы с тобой, Ассоль, понимаем, что он пришел туда просто посмотреть китайскую культуру, возможно, даже проверить одну из бредовых версий деда. Я надеюсь, нет, я уверен, что все прояснится и отца отпустят. Я в это верю, а вот мать – нет. Постоянно плачет и говорит, что сейчас обязательно припомнят ему его происхождение. Даже выкинула полученные с оказией из Харбина отцовские блокноты на помойку. Говорит, что они единственное напоминание о его дворянском происхождении. Я же не мог этого допустить, я видел, с каким трепетом по вечерам, словно совершая какое-то священное действие, отец вытаскивал их из сохранного ящика и бережно перекладывал пожелтевшие страницы. Поэтому я не мог поступить иначе, вытащил их из мусора и спрятал. Благо блокноты сделаны в деревянном корпусе и падение в помойку их не уничтожило.

Милая моя, любимая Ассоль, боюсь, мне негде их будет хранить, поэтому я решил так: скоро я поеду поступать в Москву в институт, как мы с тобой мечтали, нет, я не забыл, я по-прежнему только этим и живу. Белые халаты, серьезные лица и мы с тобой, два студента-медика, которые

обязательно придумают волшебное лекарство от всех болезней. Мне очень хочется, чтоб вся эта неразбериха, а по-другому я не могу назвать арест отца, закончилась к моему отъезду. Как же я хочу увидеть тебя, как же я соскучился по твоему сказочному голосу, по твоим бездонным глазам. Шлю тебе в посылке блокноты, которые я спас от гибели в мусоре. Прошу тебя, сохрани их до моего приезда. Эти два огромных блокнота с деревянными обложками по-прежнему закрыты маленькими замочками и хранят никому не нужные секреты, но я надеюсь, что когда приеду к тебе, то ключики уже будут у меня. Ведь только отец знает, где они, и тогда мы с тобой, как в детстве, сядем и прочитаем записки моего деда, как красивую историю, как сказку. Позже, когда у нас появятся дети, мы будем читать им сказки, как когда-то это делал для нас с тобой мой отец. Пока же меня волнует только папа и его арест.

Прощаюсь с тобой, моя любимая Ассоль, сохрани для меня эти два блокнота. В отличие от матери, я бы сказал, что они единственное напоминание об истории моей семьи. Ведь семья – это все. Люди, не знающие и не уважающие своего прошлого, не могут идти в светлое будущее. Пусть мой дед был дворянином, пусть. Я не обязан гордиться им и полностью поддерживать то, как он жил, но и отрекаться не хочу. Это моя история, моя кровь, мои предки.

Люблю и жду скорейшей встречи с тобой.

Всегда твой Грэй

Также посылаю платочек шелковый голубой, я хотел подарить тебе его сам, но обстоятельства изменились. Пусть он нежно ласкает твою шею и напоминает тебе обо мне, о том, как сильно я тебя люблю.

Глава 7

Ночью можно встретить Лоухи

Беата потерла глаза и взглянула на свой смартфон: цифры на заблокированном экране показывали ей, что уже за полночь. Пора идти спать. Сегодняшний ужин Беата решила закончить сразу после странного тоста Агнии «за семью», даже не попробовав глухаря. Смотреть спектакль, который, казалось, разыгрывался специально для нее, Беата не стала, решила не дарить старухе такого удовольствия, поэтому осталась голодной. Получилось очень по-детски, как говорится в одной пословице: назло мамке уши отморожу. Из столовой она сразу направилась в кабинет, чтобы еще немного поработать. Призрачная надежда, что ей все-таки удастся уехать из странного дома до Нового года и отметить праздник с сыном и мамой, все же маячила на горизонте и не давала ей покоя.

Сынок – как он там сейчас? Наверное, сладко посапывает в своей кроватке, обняв плюшевого поросенка. Такого мягкого и нежно-желтого, что Беата тоже иногда втайне от сына тыкалась в него лицом. Поросенок Алешка полностью пропах Тошкой, поэтому Беате казалось, что от него исходил аромат счастья и любви. В эти минуты предательские слезы, которым она три года назад просто запретила появляться на глазах, все-таки выползали и, борясь со стиснутыми зубами, душили свою хозяйку. В большинстве случаев, когда Беата бывала дома одна, это кончалось истерикой с завываниями и с невнятным вопросом: почему? Но когда Тошка был дома, Беата побеждала истерику, запихнув ее поглубже внутрь, под замок, до следующего раза.

Перед тем как сесть работать, она позвонила в Геленджик, и радостный голос сына рассказал ей, как сегодня у них в бухте страшно пел ветер, а бабушка, вздыхая, называла его Бореем, который принес проклятый Норд-Ост. Но Тошке нравится, как поет ветер, и он даже выходил во двор послушать, хотя бабуля запрещала. Потом трубку взяла мама и уже который раз убеждала Беату, что нужно сказать Степану о том, что Антон здесь, чтобы он мог увидеться с сыном. А прятать ребенка – это вовсе не дело, ведь мальчику так нужен отец. Беата тоже в сотый раз жестким, не терпящим возражения голосом объясняла матери, что мальчику, конечно, он нужен, а вот отцу сын – нет. Потому как Степан за последний год позвонил только один раз, и то узнать, где его экземпляр свидетельства о разводе. Да и вообще, Геленджик – маленький город, а в декабре так вообще крохотный, где живут только все свои и где всем все известно, поэтому Степан уже наверняка знает, что Тошка в городе.

Мама была мягким и бесхребетным человеком, который не хотел никогда и ни с кем конфликтовать, и Беата иногда неприлично радовалась, что не пошла в нее характером. Потом снова сын, выхватив трубку у мамы, спрашивал, когда Беата приедет за ним и где они будут отмечать Новый год, в Москве или в Геленджике, потому как этот вопрос очень важен. Сейчас Тошка пишет письмо Деду Морозу, диктуя текст послушной бабуле, и надобно указать адрес для подарков. Беата уверила сына: Дед Мороз – волшебник, который все прекрасно знает сам, и быстро попрощалась с сыном, стараясь уйти от прямого ответа. Она, несмотря на свою профессию, не любила врать, а правда сейчас могла очень расстроить любимое чадо. «Вот когда ребенок один, ты любишь его всей своей душой, не деля на части свои чувства, – подумала она. – А как, интересно, когда их двое, а когда шестеро?»

Кстати, о шестерых. Это все очень странно. Почему Агния брала опеку только над мальчиками одного года рождения? Да и если очень покопаться, то и внешнее сходство присутствует. Они все шестеро славянского типа, волосы русые, вьющиеся, ну, кроме качка, у которого это просто не видно по причине их отсутствия. Глаза у всех голубые, в той или иной степени яркости. Кто они, эти мальчики, для чего они были нужны Агнии и почему все так отреагировали на дату «второе января» и приготовленные сюрпризы? Хотя даже не этот вопрос

на самом деле тяготил Беату. Зачем она Агнии – вот главный и самый острый на данном этапе вопрос. Сразу вспомнились слова Жеки в машине о том, что Агния задумала представление, и Беата ей зачем-то нужна. Даже шофер-повар это понял, сейчас бы понять и ей. Мысли от Жеки быстро перенеслись за вечерний стол, полный разных вкусов, которые Беата не успела попробовать, и желудок заурчал.

Вспомнив, что Жека приглашал ее на кухню, Беата решила рискнуть: вдруг повар припозднился и ей удастся чем-нибудь поживиться. Не забывая, что уже первый час ночи, она старалась ступать осторожно, чтобы не разбудить домочадцев. Сталкиваясь сейчас ни с кем не хотелось, а тем более раздражать своими хождениями хозяйку. Поэтому свет она решила не включать, ориентируясь на свет фонарика из телефона. Дом, как любое деревянное строение, дышал и тихо поскрипывал, создавая в своей тишине целый оркестр разных шорохов. В голове у Беаты даже пробежала мысль, что уж очень подходящая обстановка для ужасика. На самом деле она очень боялась темноты, до иступления, до истерики. В ее доме всегда по ночам горела настольная лампа, это было правило, которое даже двадцативосьмилетняя Беата не нарушала никогда.

Вдруг в столовой за столом в полной темноте, освещаемой только луной, что временами заглядывала в окна, Беата увидела маленькую девочку. Лицо у нее светилось и было необычного белого цвета. От переполнившего женщину страха коленки задрожали. Картинка была настолько кинематографична, что Беата даже потеряла глаза в надежде, что девочка исчезнет, но этого не произошло. Тогда она трясущейся рукой направила луч фонарика в сторону маленького монстра, вспоминая хоть какую-нибудь молитву, но кроме строчки из какой-то старой песни «Николай-угодник, защити, надоели черти, мать их ети», ничего не шло в голову, а она даже в такой панике Беате казалась не совсем подходящей для молитвы.

– Тише, – сказала привидение спокойным детским голосом, – ты разбудишь папу, и он поймет, что мамы нет.

Громко выдохнув, Беата поняла, что девочка абсолютно живая и привидения на сегодня отменяются. От пережитого страха ноги были ватными, поэтому, чуть качаясь, она подошла к столу. Насколько все-таки страх слеп, ведь если спокойно приглядеться, то все можно логично объяснить. Например, цвет лица ребенка стал странным из-за светящегося из-под стола телефона она постоянно набирала один и тот же номер и слушала тихие гудки.

– Привет, – переведя дух сказала Беата и присела за стол. – Ты кто?

– Я Дуня. А ты кто? – очень по-деловому сказала девочка.

– Я Беата.

– Очень приятно, Беата, – вежливо поздоровалась она. – А ты маму мою не видела?

– Нет, – коротко ответила Беата, – не знаю, кто твоя мама, но я не видела вообще никого.

– А куда ты идешь? – поинтересовалась девочка. Хотя на вид ей было лет семь, но вела она себя очень по-взрослому.

– Вообще, планировала что-нибудь съесть, – честно ответила Беата.

– Но ведь ночью есть нельзя, – возразила девочка, – это может испортить фигуру, так говорит моя мама.

– Согласна, нельзя, но я люблю нарушать правила, – просто, словно разговаривала с подружкой, ответила Беата Дуне, – это очень весело, последнее время нарушать правила – единственное развлечение, которое я могу себе позволить.

– Я ни разу не пробовала, – вздохнув, сказала Дуня, вновь набирая номер на телефоне.

– Пойдем я покажу тебе, как это делается, – сказала Беата и, не дожидаясь ответа, направилась в сторону кухни.

Конечно, надежда на то, что здесь кто-то еще есть, была слабой и, увы, не оправдалась. Кухня встретила гостей тишиной, темнотой и жужжанием холодильника. Луна, словно преследуя ночных гуляк, освещала идеально чистое пространство кухни.

– Не получилось, – грустно констатировала девчонка.

– Ты что так быстро сдаешься? – возразила Беата. – Знаешь первое правило индейцев?

– Нет, – сказала девчонка заинтересованно, наконец перестав беспрестанно набирать номер.

– Первое правило индейцев, – сказала Беата, одновременно открыв один из трех огромных холодильников, – если охота не дается легко, ляг и притворись спящим, еда тебя сама найдет.

– Значит, надо лечь на пол? – уточнила Дуня.

– Нет, это значит, надо самой ее достать, хитростью и коварством, – торжественно закончила Беата, вытащив из холодильника на стол буженину, хлеб, огромные помидоры и сыр. – Тадам, – весело развела она руками, – у нас с тобой получается пир на весь мир.

Откусывая огромными кусками аппетитные бутерброды и даже немного щурясь от удовольствия, Беата и Дуня сначала молчали, но когда первый голод стал утихать, Беата спросила:

– А что, мама часто по ночам гуляет?

Девочка сразу сникла, положила бутерброд на стол и посмотрела на экран забытого до этого вопроса телефона.

– В последнее время да, – со вздохом призналась она, – мы в Москве живем. Год назад мама перевелась на новую работу, и теперь ей ездить домой с двумя пересадками, к тому же, как она говорит, начальство задерживает ее допоздна. Поэтому она приходит поздно, папа расстраивается после этого и долго сидит на кухне.

– Пьет? – сочувственно спросила Беата.

– Нет, – вздохнула девочка, – стихи пишет. Он у меня писатель, его даже в магазинах продают.

– Ну, скорее всего, не его, а книги, – поправила Беата. – Какая тонкая натура – твой папа.

– Нет, он сильный и смелый, – защитила своего отца Дуня, – пишет он о бандитах и о следователе Василии Снегире, смелом и умном, который этих бандитов ловит. А стихи он пишет, только когда переживает, он говорит: они ему помогают не злиться.

– Понятно, – кивнула Беата, – а здесь мама на какой пересадке застряла?

Девочка поняла, что Беата шутит, и, надув губы, обиделась.

– Да ладно, – сказала Беата, – не переживай, может, она к Ладогe пошла, свечение смотреть. Говорят, если увидеть свечение и загадать желание, оно исполнится. Я сегодня видела, как Корнелия ходила туда, она не одна была, хотя мужчину я не разглядела. Видать, тоже желание загадать хотела, но, судя по тому, какая она вернулась недовольная, сегодня был не ее день. Не знаешь, с кем наша тетя-сухарь гуляет к воде?

– Они с Мироном обычно туда ходят, она его выгуливает, – сказала Дуня.

– Ну, это навряд ли, – уже сама себе сказала Беата, – тот, который с ней днем гулял, был хоть и малахольный, но адекватный.

– Мы приехали сюда три дня назад, – словно решив поделиться сокровенным, сказала Дуня, видимо поняв, что совместное поедание бутербродов на кухне сближает. – В первый день я проснулась ночью, а мамы нет. Я очень сильно испугалась: тут лес, и медведи водятся, и волки, поэтому разбудила папу. Но потом я пожалела об этом, – уж очень по-взрослому переживала свой провал девочка, – когда мама пришла, он очень расстроился.

– Что, ругался? – уточнила Беата.

– Нет, – помахала головой Дуня, – просто так посмотрел на нее осуждающе.

– И пошел писать стихи, – вновь пошутила Беата и сразу же пожалела об этом, потому что девочка обиделась. – Теперь ты не будишь папу по ночам, а дожидаясь появления мамы внизу?

– Да, – махнула головой Дуня, – уже второй день.

– Ты мне скажи: у твоего папы такие отвратительные стихи, что ты спасаешь человечество от его графоманства, или думаешь, что мама дорогу в комнату не найдет? Знаешь что, давай-ка ты иди спать ложись, утром проснешься, а мама уже в комнате.

– Не, – ответила девочка, вытирая салфеткой руки, – буду ждать.

Ее светлые кучеряшки смешно торчали в разные стороны и никак не сочетались со взрослыми решениями, лишенными всяческого ребячества.

– Что ж у тебя за мама-то такая, – сказала Беата, прикидывая, что делать с девчонкой. Поздний ужин закончился, и страсть как хотелось спать. Но не оставлять же ее здесь одну. Или все-таки оставить? В конце концов, у нее есть родители. Но сидящая где-то глубоко внутри мама пятилетнего Тошки не могла позволить себе так поступить.

– Ты страшные истории знаешь? – вздохнув, спросила Беата, принимая решение остаться, и устроилась поудобнее на стуле, понимая, что сон сегодня будет, судя по всему, коротким.

– Нет, – искренне ответила Дуня. – А зачем?

– Ну, чтоб сидеть не скучно было, люди обычно рассказывают истории, а ночью сам Бог велел рассказывать страшилки, так интереснее.

– А ты останешься со мной? – в голосе маленькой девочки было столько надежды, и Беата поняла, что никуда не уйдет, пока загулявшая мамаша не вернется с ночного променада.

– Да посижу немного. Знаешь, диетологи не рекомендуют сразу после ужина ложиться спать, надо дать еде перевариться.

– Я знаю одну историю, мне ее бабушка Ваппу рассказала, – вдруг вспомнила Дуня.

– А что у бабушки с именем? – спросила Беата, не очень-то слушая девчонку. На миг ей показалось, что тень, сбежав с лестницы, мелькнула мимо кухни в сторону столовой.

– Я не знаю, – искренне ответила Дуня, – я не спрашивала.

– Не заморачивайся, – успокоила ее Беата, прислушиваясь к шагам в доме. Почему человек не остановился возле их импровизированного костра в виде фонарика телефона и не спросил, что они здесь делают? Ведь не заметить их было просто невозможно. Почему тень захотела остаться инкогнито? – Рассказывай историю бабушки со смешным именем.

– Ваппу, – напонила Дуня.

– Точно, Ваппу. Так что она тебе рассказывала?

– На севере Карелии у водопада стоит домик ведьмы Лоухи. Это волшебница очень красивая и очень злая, она замораживает одним взглядом. А также она может замораживать людские сердца, – было видно, что Дуня верит в то, что сейчас рассказывает. – Так вот, жил один красивый и храбрый принц, и Лоухи захотела женить его на своей дочери, предложив ему множество богатств, но он лишь засмеялся и сказал, что у него уже есть невеста и он никогда не променяет любовь на богатства. Тогда Лоухи заморозила его сердце, он забыл свою невесту и женился на дочери ведьмы. Невеста с горя повесилась, у принца же оказалось очень горячее сердце, и через некоторое время он все вспомнил, но любимую было уже не вернуть. Тогда он, проклиная себя, бросился со Змеиной горы в Ладогу и погиб.

– Очень странно, – перебила Дуню Беата.

– Что странного? – не поняла рассказчица.

– Ну, вроде принц, должно же у него было быть образование, ну, там, бассейн два раза в неделю. Нелогично, не мог принц не уметь плавать. Ладно, бог с ним, продолжай, – разрешила Беата, не отрывая взгляда от дверей. Теперь ей казалось, что теней стало больше. Или это луна играет своими бликами?

– Ты просто не знаешь Змеиной горы, – вздохнула Дуня, – там не поможет умение плавать, там шхеры внизу.

– Что такое шхеры? – снова уточнила Беата по своей дурацкой привычке журналиста.

– Такая взрослая, – вздохнула Дуня, – а задаешь такие глупые вопросы. Шхеры – это емкости в камнях, они наполняются дождевой водой, ну, словно такие каменные бассейны. Тут их очень много по всему берегу. Мне они очень нравятся, в спокойную погоду они смотрятся как большие зеркала.

– Ну, видишь, тут на вкус, на цвет. Принц, я думаю, был не в восторге от шхер.

– Так вот, – продолжила Дуня, немного обидевшись, что Беата постоянно подшучивает, – с тех пор неприкаянная душа принца мечется по Карелии и ищет свою любимую, а ведьма Лоухи временами меняет лица всем несчастным девушкам, которые повесились, делая их похожими на его невесту, чтоб он еще больше страдал. Когда он находит такую, то страшный вой разносится на весь карельский лес.

– Мне вот интересно, – задала вопрос Беата, – ты где эту бабулю нашла, которая детям такие истории рассказывает?

– Это бабушка нашего повара Жеки, она тоже волшебница, только добрая.

В этот момент страшный вой разбил тишину, в нем было столько ужаса, отчаяния и одиночества, что холодок пробежал по спине Беаты, и она машинально прижала девочку к себе.

– Нашел, – в ужасе прошептала Дуня.

Беата, вспомнив, что она взрослая женщина, журналистка и вообще ярый атеист, переводя дух, сказала:

– Глупости, это волк или вообще собака. На этой базе есть сторожевая собака?

– Да, – махнула головой Дуня, – Дженни, она большая и добрая и никогда так не воет.

– Ну, знаешь, милочка, – сказала Беата, немного копируя Агнию, – в жизни бывают всякие обстоятельства, иногда и не так завоешь, это уж я тебе говорю с полным знанием дела. Сегодня же у нее вообще смягчающие обстоятельства. Видела, луна просто кошмарная, большая и круглая, а светится как солнце, так что от снега отражается.

Весь этот треп Беаты, похоже, успокаивающе подействовал на девочку: она расслабилась и даже хотела уснуть, прижавшись щекой к ее плечу. Но в этот момент совсем рядом, в гостиной-столовой, прозвучал истошный женский визг. Казалось, он пронзил вселенную, время и пространство, расколов мир пополам.

Через секунду везде загорелся свет, и по лестнице побежали люди. Беата, не привыкшая оставаться в стороне, тоже рванула на визг. Когда она с огромной делегацией забежала в столовую, от увиденного мурашки побежали по спине. В проеме двери, в петле, покачиваясь из стороны в сторону, кто-то висел. Холодок побежал по коже, а ужас сковал мысли, поэтому не меньше минуты Беате понадобилось, чтобы понять, что это собака. Элла, которая так визжала, подскочила к сбежавшему вниз Миколу и уткнулась ему в грудь, всхлипывая и еле выговаривая слова:

– Я думала, это человек, я испугалась.

Дуня подошла к ним и обняла обоих, искоса посмотрев в сторону Беаты.

– Кто же это так тебя, Дженни? – сказал Максим. Он тоже сбежал вниз, правда, в отличие от своего сводного брата Миколы, не стал утруждать себя одеждой и теперь ходил вокруг собаки в одних трусах, словно хвастаясь своими накачанными формами.

– Что у вас происходит? – с улицы, впуская морозный воздух, в дом забежали наспех одетые Жека и Корнелия.

Первый, увидев висящую собаку, сначала подбежал к ней, но, поняв, что ей уже не поможет, тихо, по-мужски заплакал.

– Это мы у вас хотели бы спросить, что происходит, – завизжал Михаил. Сейчас его офисный стиль сменился не менее пафосной шелковой пижамой, а на голове виднелась сеточка для волос. – Где ваша охрана? – он голосил громче успокоившейся Эллы.

Но ответа не последовало, Жека стоял, плакал и гладил животное, которое, вероятно, было еще и его другом.

– Где Агния? – спросила испуганная Корнелия и собралась уже бежать в ее комнату.

– Со мной все в порядке, – раздался ледяной голос, и через мгновение Агния вошла в столовую.

Беата как-то упустила, откуда появились все остальные. В частности, откуда пришли любитель компьютеров Марат и фанат татуировок Славик. По правде говоря, Беата не заметила, чтобы они спускались по лестнице. Хотя если быть объективной, то и юродивый Мирон уже был в столовой, когда туда вбежали они с Миколой и Михаилом. Но ведь он мог спуститься в темноте, не додумавшись своими поломанными мозгами включить свет. Она посмотрела всем братьям на ноги и отметила, что только Марат стоял обутый и нервно поглядывал по сторонам.

– Очень интересно, – ухмыляясь, сказала Агния, словно в огромной повешенной афганской овчарке было что-то и вправду занимательное.

– Может, поясните сей перформанс и нам? Возможно, нам тоже станет не так страшно, а даже, как вам, интересно, – не выдержала такой надменности Беата.

Она чувствовала, что только она сейчас может задавать вопросы, остальные боялись. Слезы Жеки отражались в ее душе, и Беата очень ему сочувствовала. Обычно жизнерадостный мужчина сейчас выглядел маленьким мальчиком, у которого случилось огромное горе. Беата сразу же прониклась симпатией к нему, записав себе в друзья, и ей стало несколько неловко, что она днем себя так с ним вела. Кто так плачет о собаке, не может быть плохим человеком априори. Поведение же Агнии вызывало раздражение и непонимание.

– Очень интересно, – игнорируя вопрос Беаты, повторила старуха.

Потеряв интерес к бедной собаке, она устроилась в кресле во главе стола, где сидела сегодня днем, и только тогда продолжила:

– Если кто-то из вас решил, что я двину кони до второго января и не успею сделать то, что задумала, то он очень ошибается. Я видела в такой петле своего первого мужа, более того, я провела с ним в одной квартире четыре часа, пока ехали сотрудники КГБ, потому как это было не дело милиции. Так что собакой вам меня не напугать, а интересно вот что, – она повернулась к Беате, словно только что услышала ее вопрос, – кто-то очень сильно покопался в моей жизни и вытащил эту историю на свет. Ведь официально мой муж умер от сердечного приступа, и только очень маленький круг лиц знают, что он повесился. Вот так же – в дверном проеме нашей огромной квартиры на Горького. Но мне приказали молчать, потому как не по рангу была человеку его должности такая слабость. Выходит, если кто-то копнул так глубоко, значит, земля горит у него под ногами, – и, припевая слово, словно по слогам, закончила: – Ин-те-рес-но.

Тишина была звенящей, после сказанного Агния встала и, тихо поскрипывая деревянными половицами, ушла в свою комнату.

Письмо 3

Июнь 1946 г.

Здравствуй, моя милая Ассоль.

Получил твое письмо. Очень хорошо, что посылка дошла и все дневники целы, я переживал. Это будет теперь единственное напоминание об отце. Его больше нет. Талантливый хирург, спасшего на войне столько жизней и имеющего множество наград, убили. Военный трибунал приговорил его к

расстрелу. Поначалу мы очень надеялись, ведь у него не нашли награбленного и на защиту отца встали многие командиры, кому он спас в свое время жизнь.

В начале весны, когда у нас пошел лед на реке, я спас сына нашей соседки Нюрки, он с друзьями прыгал с льдины на льдину на реке Томь и провалился под лед, а я вытащил его из полыньи. Конечно, так поступил бы каждый, просто я вовремя оказался рядом, но теперь и Нюрка, и ее муж чувствуют себя должниками. Глупости, конечно, но мне это оказалось на руку. Подключив все свои знакомства, Нюркин муж договорился о неофициальном свидании с отцом. Мать отказалась идти, побоялась, что подумают, что она с ним заодно, а я пошел. Он сильно постарел, и не скажешь, что ему всего сорок пять. Да и с головой, видимо, начались определенные проблемы, потому как он говорил странные вещи, не связанные ни с нами, ни с его ситуацией. Я думаю, он хотел почувствовать себя дома, сидящим за столом и читающим мне новые истории из дневника деда.

– Помнишь, я рассказывал тебе про императорскую печать, – начал отец сбивчиво, словно боялся что-то забыть, – так вот, она существует. Если вдруг когда-нибудь ты встретишь ее, знай: это страшный предмет. Он ни в коем случае не должен попасть в руки людям, мечтающим править миром, но и уничтожать ее тоже нельзя. Печать надо спрятать, а лучше увезти на ее родину и отдать тибетским монахам. Они знают, что с ней делать.

– Папа, что ты несешь, как я могу ее увидеть? – перебил его я, злясь и жалея родителя одновременно. – Ты не хочешь спросить про маму и Саику?

– Некогда, – прошептал отец, – меня, скорее всего, расстреляют.

– Ерунда, – успокоил его я, – все понимают, что ты там оказался случайно.

На это отец хотел что-то ответить, но словно сдержал себя и продолжил свой дурацкий рассказ.

Все это – про печать, про тибетских монахов – он твердил мне, милая моя Ассоль, до самой двери, пока не лязгнул железный замок, закрываемый охранником за спиной удаляющегося, как оказалась навсегда, отца.

Это был последний раз, когда я видел его. Через неделю его расстреляли. Ты прости меня, моя дорогая, но я не смогу приехать к тебе в этом году. Мать заболела и стала совсем слабой. Мы решили, что я ее и Саику отвезу на мамину родину в маленький город у моря – Геленджик. Там осталась ее старая тетка, и в письмах она постоянно зовет маму к себе. Оба ее сына и муж погибли на фронте, а вместе все легче будет выжить. Я отвезу их, устрою, и сразу же к тебе. Ты не жди меня, поступай в институт, я сделаю это в следующем году. Ничего страшного, что мы будем учиться на разных курсах, главное, что мы будем вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.